

МАДИЕВА, Гульмира (*Алматы, Казахстан*)

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ¹

Onomastic research in Kazakhstan

Analytical review of the development Kazakhstan proper names is given in the article. At present Kazakhstan onomastics disposes rich and actual material of proper names of different categories, theoretical and methodological arsenal, founded on achievements of the general linguistics and proper names science, which can promote further study as people's names and place names as well and peripheral category of onyms.

Keywords: Kazakhstan onomastics, proper names, people's names, place names

Тюркская ономастика: истоки и развитие

Прежде чем говорить о состоянии ономастики в Казахстане, хотелось бы обратить внимание на ее истоки, которые тесно связаны с исследованием тюркских имен собственных. Тюркская ономастика зарождалась в недрах советской лингвистики. Начальные сведения о тюркских именах собственных (прежде всего о топонимах) можно найти в трудах известных русских ученых Н. А. Аристова, В. В. Бартольда, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. А. Левшина, П. Мелиоранского, П. Палласа, Г. Н. Потанина, В. В. Радлова, С. М. Тянь-Шанского и др., научные интересы которых в той или иной степени были связаны с изучением тюркских земель. Большой вклад в изучение тюркских имен собственных (далее **ИС**) внесли такие ученые-тюркологи, как В. А. Баскаков, Д. Д. Васильев, Б. Я. Владимирцов, С. Г. Кляшторный, А. Н. Кононов, С. Е. Малов, Д. М. Насилов, Е. Д. Поливанов, А. М. Щербак и др., занимавшиеся изучением тюркских языков.

¹ Статья выполнена в рамках проекта “Лучший преподаватель вуза” 2008 г.

В исследованиях тюркской исторической ономастики большая роль отводится исключительному труду – словарю тюркских языков – “Диуану лугат ит-турк” Махмуда Кашгарского, первого известного науке тюрколога-лингвиста, этнографа, историка, фольклориста. Этот замечательный памятник тюркской культуры XI в. содержит уникальную информацию по ономастике. В нем приведены многочисленные названия географических объектов, расположенных на территории тюркоязычных племен, множество личных имен древней тюркской знати, рабов и рабынь, названия тюркских племен. Большой интерес представляет карта мира, выполненная М. Кашгарским, с детальным изображением тюркских земель и других регионов мира. К словарю, как к ценному источнику, обращались многие видные ученые-лингвисты, ориенталисты, востоковеды, этнографы, специалисты по ономастике.

Помимо этого памятника, имеются и другие древнетюркские письменные источники, которые не были предметом ономастического исследования и могут быть ценным материалом для изучения ИС.

Изучение письменных памятников, относящихся к разным историческим периодам, составляет одну из важных задач современной ономастики. Имеющиеся исследования древнетюркской ономастики дают все основания говорить о том, что древние лексико-семантические и структурные типы антропонимов и топонимов перманентно продолжают функционировать и в современных тюркских ономастических системах, т.е. могут выступать своего рода онимическими архетипами, послужившими основой для развития современного тюркского, в частности казахского, ономастикона.

Развитие ономастической мысли в Казахстане

Казахская ономастика как наука, базируясь на фундаментальных трудах мировой ономастики, в том числе русской и тюркской, получила свой научный статус и развитие благодаря систематизированным исследованиям таких ученых, как А. А. Абдрахманов, Т. Д. Джанузаков, А. Т. Кайдаров, Г. К. Конкашпаев, Е. К. Койшыбаев, В. Н. Попова, О. А. Султаньяев. Однако описание казахского языка с привлечением ономастического материала наряду с аппеллятивной лексикой проводилось

уже в 30-50-е гг. в работах известных казахских лингвистов А. Байтурсынова, К. Жубанова, С. Аманжолова, А. Искакова и др.

Описание фонетических изменений в слове, изучение истории казахского языка и его диалектных особенностей, установление происхождения родо-племенных названий, исторически характерных для иерархически организованной родовой структуры казахского общества, использование этимологического принципа в целях нахождения этимона и выявления значения слова и мн. др. проводилось на отдельных фактах ономастики.

Так, в научном наследии выдающегося казахского ученого Ахмета Байтурсынова впервые в казахском языкознании приводятся общие правила написания казахских слов (1915–1925 гг.). Эти правила иллюстрируются не только на материале нарицательной лексики, но и на примерах ИС. В частности, А. Байтурсынов отмечает, что:

- если компоненты парного слова одинаково состоят из твердых или мягких слов, то оно пишется слитно (*Балжан*, *желкесер*);
- если же парное слово состоит из твердого и мягкого слов, то в этом случае они пишутся через дефис (*жел-бау*, *торе-тай*, *Мурат-бек*);
- различаются основа слова и его форма, т.к. при наличии единой основы слова могут иметь разную форму. В этом случае А. Байтурсынов имеет в виду орфографические и орфоэпические нормы, когда при произнесении слова под действием фонетических законов наблюдается изменение его внешней (звуковой) оболочки, но на письме необходимо соблюдать орфографическую норму [Байтурсынов 1992].

Однако А. Байтурсынов не учитывал специфику ИС, когда последнее не всегда подчиняется правилам написания нарицательной лексики. Как известно, во всех исследуемых языках степень нормативности для ИС и нарицательных различна. Расхождения орфоэпических и орфографических норм обусловлены, по мнению ономастов, несколькими факторами:

- ИС по своему происхождению вторичны и образованы от апеллятивной лексики;
- ИС порывает связи с апеллятивом, от которого оно образовано, и оказывается не защищенным от различных искажений (фонетических, морфологических, акцентологических);

- ИС, прежде всего антропонимы и топонимы, при заимствовании иноязычной системой проходят период адаптации, сопровождающийся различного рода изменениями структуры слова;

- ИС, состоящее из нескольких слов, стремится к цельнооформленности и т.д.

По этой причине имена собственные, приведенные А. Байтурсыновым (напр. *Мурат-бек*, *Кара-коз*), состоящие из двух основ, в которых не соблюдается закон сингармонизма, принято писать не через дефис, как полагает ученый, а слитно, т.к. сочетание слов в функции личного имени приобретает признаки единого цельного слова. Кроме того, в антропонимиконе такие имена, как *Ботагоз*, *Сайрамбай* и др., сохраняют на письме орфоэпическую норму, являющуюся результатом ассимиляции (ср. аппеллятивные конструкции *бота коз*; *сайран бай*).

Наблюдения над казахскими личными именами позволили А. Байтурсынову дать им краткую характеристику и сделать вывод о существовании уменьшительных форм казахских личных имен, к которым присоединяется суффикс *-еке* со значением уважения или обращения (*Ысмайыл – Ыс-еке*). Кроме того, им отмечено, что суффикс *-еке* в основном употребляется по отношению к взрослым людям. В разговоре с младшими по возрасту, пишет А. Байтурсынов, к личному имени прибавляются другие суффиксы или же целое слово, например, *-ман*, *-ан*, *-и*, *-жан*: *Турмагамбет – Турман*, *Ермагамбет – Ержан*, *Космагамбет – Косан*, *Жумагали – Жумаи* [Байтурсынов 1992: 215]. Семантика этих имен определяется как уменьшительно-ласкательная или неофициальная неполная форма имени. Некоторые из этих уменьшительно-ласкательных или неполных форм имен в настоящее время употребляются как самостоятельные личные имена и утратили свое первичное значение (*Ержан*, *Жумаи* и др.).

В комментариях А. Байтурсынова можно увидеть зарождающиеся истоки современных функционально-прагматических исследований ИС, которые в настоящее время еще не получили должного ономастического освещения. Так, важное значение имеет изучение прагматического значения вариантов имен с суффиксами субъективной оценки, которое проявляется в определенном коммуникативном контексте.

В своем учебнике А. Байтурсынов также обращает внимание на синтаксическую функцию имен собственных в составе предложения: в зависимости от позиции в предложении и его смысловой нагрузки имя собственное может выступать как в функции подлежащего, так и в функции определения. Этот факт демонстрирует способность ИС выполнять прагматическую функцию уточнения, дифференциации и идентификации человека. Кроме того, такие компоненты, как *хан*, *батыр*, *бек*, *би*, используемые исторически в казахском лингвокультурном сообществе в дополнение к основному имени, являются своего рода маркерами социального статуса личности и определяют иерархически организованную структуру общества до XX в. По этой причине при упоминании имени какого-либо батыра, бека или хана к нему прибавлялся его титул, который с течением времени вошел в состав ИС и, превратившись в его неотъемлемый компонент, стал писаться слитно: *Темирхан*, *Болатбек*, *Есбатыр*, *Курманбай* и др. Однако многие исторические имена с сословными титулами пишутся раздельно, поскольку последние являются социальными маркерами и выполняют различительную функцию в зависимости от выполняемой роли в структуре общества: *Абылай хан*, *Касым хан*, *Айтеке би*, *Кобланды батыр* и др. Личные имена, имеющие при себе подобные компоненты, являются социально маркированными, хранящимися в когнитивном сознании казахского народа и поэтому легко узнаваемы носителем языка.

При исследовании начальной стадии формирования казахской ономастики невозможно не отметить деятельность замечательного казахского лингвиста Сарсена Аманжолова, в трудах которого определяются истоки нескольких проблемных направлений, сыгравших важную роль в становлении этнонимики, антропонимики, топонимики и актуальных в настоящее время:

- проблемы этимологического анализа имен собственных;
- проблемы образования имен собственных;
- проблемы мотивации имен собственных;
- проблемы происхождения казахских (тюркских) родо-племенных названий;
- проблемы диалектных особенностей имен собственных;

- проблемы перевода и транслитерации иноязычных имен собственных;
- проблемы функционирования имен собственных в межкультурной коммуникации.

Это не весь перечень проблем, намеченных С. Аманжоловым, решение которых способствовало развитию ономастической мысли в Казахстане. Отметим несколько ключевых моментов в научной деятельности ученого, касающихся имен собственных.

Во-первых, в одном из основных трудов С. Аманжолова – “Вопросы диалектологии и истории казахского языка”, посвященному этногенезу казахского народа и его языка, – довольно детально рассматриваются как история самих племен, вошедших в состав казахской нации, так и их названия. Родо-племенные названия казахского народа (в современной ономастике это этнонимы и генонимы) образуют значительный пласт лексики и практически не изучены, так как в казахской (шире – тюркской) ономастике нет специальных исследований по тюркской этнонимике (не считая отдельных работ).

Как отмечают Н. И. Лезина и А. В. Суперанская, родо-племенные названия – интересное социально-историческое явление, т.к. они отражали и отражают структуру общества на определенном этапе его развития и оказываются иногда единственным ключом к пониманию специфики родо-племенных структур и единственными памятниками прошлых эпох [Лезина, Суперанская 1994: 5].

В этой связи работа С. Аманжолова является неоценимым источником сведений о казахских племенах и их генетическом родстве, названиях этих племен. Опираясь на известные работы Рашид-Эд-дина, А. Левшина, Н. Аристов, В. Бартольда, В. Радлова, Н. Катанова и др., С. Аманжолов критически подходит к их изысканиям и дает свое видение общественных отношений родовой и патриархально-феодальной организации прошлого казахов. При этом к своему исследованию ученый привлекает родовые тамги как важные указатели этнического состава племен и родов [Аманжолов¹ 2001: 20].

---

¹ Этот труд вышел в свет в 1935 г. и переиздан в 2001 г., все цитаты даются по последнему изданию.

Помимо тамговых знаков, у каждого рода или племени были ураны (уран – боевой клич), которые имели названия: *канглы – Айырылмас (Байтерек)*, *ысты – Жауатар*, *найман – Каптагай* и т.д. Названия уранов относятся к периферийным разрядам ИС, поскольку выполняют функции ИС, т.е. не только называют, но и идентифицируют определенный род или племя, дифференцируют их среди других племен.

Для обозначения уранов Е. А. Керимбаев употребляет термин *ураноним*; По мнению этого ученого, уранонимы представляют научно-познавательный материал, изучение которого может пролить свет на решение отдельных вопросов лексикологии, истории и этнографии казахского народа [Керимбаев 1995: 144-145]. Уранонимы можно классифицировать как онимические историзмы, характеризующие родо-племенную организацию казахов и их военно-политическую атрибутику; они являются вербальным кодом традиционной народной культуры, своего рода магическим символом, обладающим объединяющей силой. Об этом свидетельствует тот факт, что в качестве уранонимов используются как имена предков, так и имена людей, которые в силу своих организаторских способностей, героических поступков или мудрых деяний были возведены в ранг героев, святых. Поэтому уранонимы, связанные с именами этих людей, а через их посредство и с ними самими, кроме объединяющей функции, должны были выполнять и оберегающую (заступническую, дающую мощь, силу в боевых действиях, в опасных для жизни целого родового коллектива или его представителя ситуациях) функцию. Когда присваивалось название урану, то оно должно было быть связано с именем патрона, что обусловлено мифологическими представлениями о сакральности ИС, в этом случае – личного имени.

Во-вторых, интересны наблюдения С. Аманжолова относительно географических названий, которые ученый привлекает в качестве неоспоримых доказательств сходства орхонских надписей с современными казахскими диалектами, например: *“В Казахстане, где расположены многие древние племена, сохранилась окостенелая форма окончаний географических названий типа Алматы (вм. Алмалы, Алмалык); это напoминает устойчивое окончание глаголов в орхонских памятниках: барты, алты (вм. барды, алды), или же, опираясь на данные С. Малова, пишет: “Известно, что почти во всех тюркских языках топоним Ир-*

тыш произносится через *ш*, а в казахском и в орхон-енисейском через *с*” – и приводит целый ряд диалектизмов и параллельно существующих слов, которые обуславливают вывод о происхождении казахского языка.

Ученый обращает внимание исследователей на окончания географических названий типа *Мойынты*, *Буланты*, которые являются окостенелыми, застывшими и способны пролить свет на историю языка.

Тонкие наблюдения над географическими названиями (топонимами), привлечение их в качестве фактов языка способствовали повышению внимания к именам собственным, к их важной роли в разрешении различных вопросов происхождения, образования языка, смешения языков и др.

Так, доказать тюркское происхождение найманов – одного из крупных родов Среднего жуза родо-племенной организации казахов – позволило привлечение С. Аманжоловым другого важного разряда ономастики – антропонимов, в их числе личных имен. Скрупулезный анализ личных имен в исторических документах дал ученому возможность утверждать, что “не только имена и титулы ханов найманских оказались тюркскими, но и имена женщин, названия местностей и т.д.” [Аманжолов 2001: 74].

В-третьих, исследуя проблемы словообразования казахского языка, С. Аманжолов определил пути пополнения лексического состава языка – это и развитие значений слов, расхождение значений слов, словосложение, сокращение слов и др. Ученый обращает внимание на словообразование топонимов и антропонимов, которые, как отмечается в его труде, в большинстве своем могут быть образованы из двух-трех слов. Многочисленные исследования ономастов Казахстана подтверждают мнение С. Аманжолова о том, что основным словообразовательным способом казахских топонимов и антропонимов, действительно, является словосложение. Наибольшее количество антропонимов и топонимов представляют собой определительную конструкцию, состоящую из определения и определяемого слова, которая в момент своего появления могла характеризовать конкретный признак объекта. С течением времени в результате топонимизации или антропонимизации эта конструкция превращалась в двух-, трех- и более компонентные модели сложных онимов.

Анализируя казахские личные имена и географические названия, С. Аманжолов приходит к выводу о том, что в основе их образования лежит определенная закономерность. Например, в основе образования личных имен, отмечает ученый, можно выделить 9 мотивов (целей, пожеланий), которые впоследствии были положены в основу семантической классификации казахских имен в ономастических исследованиях Казахстана:

- пожелание прожить хорошую, счастливую жизнь (*Омар, Оспан*);
- пожелание долголетия (*Шулгау, Ултарак*);
- пожелание, чтобы у ребенка был хороший характер (*Жибек “шелк”*);
- пожелание, чтобы ребенок был почитаем, как хан (бай) (*Омархан*);
- имя, данное человеку, связано с определенным природным явлением (*Айтуар, Күнтуар*);
- имя человека связано с каким-либо радостным событием, произошедшим в данном ауле, доме (*Аманкелды*);
- имя человека свидетельствует об обстоятельствах его рождения (*Сурабалды “выпросил”*);
- имя человека связано с названиями местности, рек, гор (*Алтай, Орал*).
- имена, данные после Октябрьской революции (*Роза, Марат, Тельман* – имена, имеющие интернациональное значение).

Проведенная С. Аманжоловым классификация может по праву считаться одной из первых лексико-семантических классификаций казахских имен, в основе которой лежит принцип деления имен по типу значения с учетом мотива, послужившего созданию имени.

В-четвертых, очень важны замечания С. Аманжолова о переводе ИС. Вопрос о передаче ИС на другой язык имеет не только практическое, но и теоретическое значение. В современной лингвистике недостаточно полно и глубоко изучены закономерности межъязыкового переноса, принципы передачи ИС на иностранные языки, в связи с этим возникают разночтения, неточности при переводе и использовании иноязычных ИС. Эти сложности возникают при составлении карт, административных источников, путеводителей, переводе иноязычной литературы и т.п.

В работах С. Аманжолова об общих проблемах перевода можно найти ценные положения, касающиеся перевода ИС. Анализируя пере-

водные тексты, ученый приходит к мнению о том, что необходимо бороться “за чистоту казахского литературного языка”, главной ареной этой борьбы является “перевод научно-технических, общественно-политических трудов и художественной литературы”. Важно учитывать “специфические особенности казахского языка”, отказываясь от механического переноса на казахский язык законов русского языка. Это замечание касается не только русского и казахского языков, но и других языков, на которые и с которых осуществляется перевод [Аманжолов 2002: 161-173]. В настоящее время эта проблема является одной из приоритетных в проведении языковой политики Казахстана. Так, в разные годы были разработаны концепции и изданы Положения и Указы об упорядочении наименований государственных и административно-территориальных единиц, переименовании населенных пунктов и восстановлении географических названий Казахстана, о порядке решения вопросов, связанных с написанием фамилий и отчеств лиц казахской национальности перевод.

Для ономастики важными являются суждения С. Аманжолова о том, что:

- географические названия вообще не следует переводить;
- для перевода физических терминов необходимо использовать богатые ресурсы казахского языка (*полуостров – тубек, дельта – атырау*);
- узаконить правописание слова *Алма-Ата* в виде *Алматы* как пишут и произносят казахи;
- вернуть исконный облик географическим названиям, искаженным в годы царизма (*Кустанай, Тургай* и т.д. на *Костанай, Торгай* и т.д.);
- при переводе географических названий нужно знать корень слова;
- полностью осуществить принципы перевода и транслитерации географических названий на практике [Аманжолов 2002: 214-216].

Крайне важными для становления ономастики в Казахстане являются положения, рассматриваемые виднейшим казахским лингвистом Худайбергенем Жубановым. В своем труде *Из истории порядка слов в казахском предложении* Х. Жубанов при изучении порядка слов в казахском предложении значительное место отводит исследованию ИС.

Наблюдения над структурой казахских предложений, словосочетаний и ИС позволили сделать ему существенные выводы относительно образования казахских личных имен и сочетаемости определительных элементов в их структуре. Так, говоря о существовании незыблемого, на первый взгляд, закона строго фиксированного порядка расположения слов, ученый отмечает, что “однако этот порядок расположения слов, очевидно, не был изначальным. Ибо в самом современном казахском языке налицо значительные перебои, что заставляет задумываться над причинами подобного нарушения норм существующего синтаксиса языка и видеть в них образцы норм, некогда господствовавших, но затем вытесненных новыми”, т.е. “казахский язык, вернее языки, из которых он слагался, знал такой порядок размещения членов предложения, который был диаметрально противоположным теперешнему” [Жубанов 1966: 33-34]. Прежде всего это утверждение касается таких сочетаний в функции ИС, как *Кун сулу*, *Ай сулу*, *Кун жарык*, которые в современном казахском антропонимиконе пишутся слитно, т.е. с течением времени произошла субстантивация словосочетаний – сращение двух компонентов в единое целое, воспринимаемое в настоящее время как неделимая антропонимическая единица.

В именах, образованных на основе сочетаний слов, определение следует за определяемым словом, что не соответствует нормам современного казахского языка. Здесь важно замечание автора о том, что “личные имена, будь они простые или сложные, безразлично, представляют собой выражение либо атрибута некоей субстанции, либо же предиката некоего субъекта. В первом случае субстанцией, во втором – субъектом мыслится лицо, носящее имя. Так что полный перевод вложенных в вышеперечисленные имена мыслей может быть таков: (это) – красивое солнце, (это) – светлое солнце и т.д.” (имеются в виду имена *Кун сулу*, *Тан жарык* – Г.М.). Имена, образованные по этой модели, заключает Х. Жубанов, “не могут быть синтаксически расшифрованы в пределах современных норм”. Такие образования “можно отнести к тем отложениям, которые своим строением сохранили старый порядок слов, где определяемое предшествует определению” [Жубанов 1966: 38, 44]. В этой связи бесспорной является мысль Х. Жубанова о грамматическом мышлении предшественника современного человека, т.к. при

создании имени человек вкладывал в него определенный смысл, которому соответствует своеобразная пресуппозиция, когда человек “насыщает” имя соответствующим значением, смыслом.

Для развития ономастической мысли ценны замечания Х. Жубанова о порядке следования таких компонентов, как *бай*, *батыр*, *сулу*, *кул* и др. Анализируя ряд примеров (*Койлыбай*, *Сыырбай*, *Итбайи* др.), Х. Жубанов делает вывод о том, что “эти определители обладают силой свободно располагаться по обеим сторонам своих определяемых”. Подобная неустойчивость компонентов и, на первый взгляд, хаотичность их расположения может быть объяснена исторически: “Единственно правильным подходом к решению вопроса может быть только признание исторической реальности существования в прошлом такого синтаксиса, который знал обратный современному или не свойственный современному порядок слов” [Жубанов 1966: 55]. Сочетаемость компонентов сложных личных имен Х. Жубанов сравнивает с сочетаемостью чисел и приходит к выводу, что “слова, в отдельности имеющие известное непосредственное значение, находясь в сочетании, вступают в определенные отношения друг с другом и в зависимости от этого приобретают дополнительно относительное значение, что, в конечном счете, определяет, уточняет самое собственное значение слова”.

Анализируя синтаксис сложных имен, Х. Жубанов дает им свое толкование и отмечает, что “можно было бы отнести все эти синтаксические аномалии к особенностям построения личных имен, ибо у последних в действительности имеет место некоторая образность – словесная невысказанность всей мысли, какая вкладывается в имена... Имена, в составе которых имеются географические названия, вроде *Едил* (Волга), даются для того, чтобы отметить этим место рождения ребенка. В действительности же состав слова *Едилбай* недостаточен, чтобы выразить эту мысль, полным выражением которой было бы *Едилде туган бай* “богач, родившийся на берегу Волги” [Жубанов 1966: 53]. Необходимо отметить, что компонент *бай* в подобных именах теряет свое истинное значение “богач” и является имяобразующим суффиксоидом (ср. *Жолдыбай*, *Жетписбай*), который, вероятно, означает “обладание, наличие”.

Крайне важна идея ученого о том, что каждое имя, прежде чем отнести его к той или иной группе, должно быть рассмотрено индиви-

дуально, дифференцированно, поскольку не всегда имена создаются по единой, универсальной модели и у каждого имени своя история создания. Кроме того, необходимо помнить, что личные имена – это образные выражения, не высказанные прямо и полностью.

В современной ономастике разрабатывается идея о топониме как свернутом тексте. Как нам кажется, концепция свернутого текста применима и к антропонимам, в которые человек вкладывает определенное содержание, способствующее выполнению не только номинативной функции, но и выражению определенных интенций, которые человек хочет видеть в новорожденном или же при помощи имени он стремится уберечь его от жизненных невзгод, дурного глаза и т.п. Как видим, Х. Жубанов, не развивая дальше этой идеи, имплицитно высказывает мысль о том, что имена могут разворачиваться до полного выражения их содержания.

В этих и других комментариях ученого можно увидеть истоки таких направлений ономастики, как синтаксис имен собственных; лексическая сочетаемость компонентов имен собственных; морфология имен собственных; происхождение имен собственных; этимология имен собственных; когнитивная ономастика и т.д.

Рассматривая сложные личные имена, Х. Жубанов упоминает названия родов и племен, которые являются одним из источников идентификации как целой группы людей, так и отдельного человека, принадлежащего к этой группе. По мнению Х. Жубанова, “возникновение личных имен – явление позднее. До возникновения же личных имен отдельные личности носили общее имя племени или рода” [Жубанов 1966: 48]. По справедливому замечанию ученого, “очевидно, при новых обстоятельствах, вызвавших более сложные взаимоотношения между членами общества, возвысивших значение личности, старый способ обозначения индивидуумов по имени всего коллектива был недостаточно выразительным, и возникла необходимость уточнить общее племенное или родовое название новыми, долевыми названиями – личными именами”. Это замечание вполне правомерно соотносить с образованием географических названий, когда в начальный период формирования топонимов появлялись названия, обозначающие географические реалии по их главному геоморфологическому признаку, т.е. *река, гора, море* и т.п., затем,

по мере познания мира и появления потребности именовать однопорядковые объекты, назрела потребность в их дифференциации, более конкретном членении объективной действительности. Так, например, появились названия типа *Балыксу*, *Шыбындысу*, *Аккол*, *Каракол*, *Узынкол* и т.п.

Таким образом, мысли первых казахских ученых-лингвистов об именах собственных нашли и находят свое развитие и продолжение в ономастической науке Казахстана.

Динамика ономастических исследований в Казахстане

В общей парадигме казахстанской лингвистики казахстанская ономастика функционирует как отдельная научная дисциплина, имеющая свои собственные основания (историю развития, предмет, цель и задачи), свой обширный ономастический материал, разрабатывающая общую теорию предмета и включающая частные (региональные) исследования, необходимые для построения общей теории имени собственного, а также проблемные области и перспективные направления.

Первое системное топонимическое исследование в виде кандидатской диссертации на тему *Казахские народные географические термины* было проведено в 1949 г. Г. К. Конкашпаевым, географом по образованию, который дал глубокий анализ большого массива топонимического материала с выявлением различных по происхождению топонимов Казахстана и роли географических терминов в их составе. Им же в 1963 г. выпущен первый топонимический труд – “Словарь казахских географических названий”.

В 1981 г. в Институте языкознания им. А. Байтурсынова Академии наук Казахстана по инициативе Т. Д. Джанузакова был открыт и успешно функционирует по настоящее время отдел ономастики. За период существования сотрудниками отдела собрана богатейшая картотека онимических единиц, основу которых составляют географические названия различных регионов Казахстана. На базе данной картотеки выпускается серия словарей.

Начиная с 1949 по 2009 гг., в Казахстане защищено более 60 докторских и кандидатских диссертационных исследований по ономастике (Т.

Д. Джанузаков, А. А. Абдрахманов, Е. К. Койчубаев, В. Н. Попова, О. А. Султаньяев, Е. А. Керимбаев, В. У. Махпиров, Б. К. Бектасова, М. Кожанов, Г. Б. Мадиева, К. К. Рысбергенова, Г. Сагидолда, Б. Тлеубердиев, К. М. Головина, М. А. Диарова, С. К. Иманбердиева, С. Е. Керимбаева, М. Е. Какимова, А. Б. Смаилова, Ж. Б. Кошпанова, Т. М. Абдрахманова и др.).

В основном работы казахстанских ономастов были направлены на исследование антропонимов и топонимов, а также этнонимов, космонимов, зоонимов. Наиболее изучены терминологический (казахская народная географическая терминология), лексико-семантический, словообразовательный, стратиграфический аспекты казахских собственных имен. Данная тенденция характеризует и ономастику зарубежных стран. Как отметил в свое время А. А. Белецкий, “в ономастической литературе заметна тенденция ограничивать материал двумя большими классами: классом географических названий, или топонимов, и классом личных собственных имен (преимущественно людей, а не животных), или антропонимов, со всякими подклассами обоих названных классов” [Белецкий 1972: 20].

В последние годы объектом исследований казахстанской ономастики стали периферийные разряды ономастики (собственные имена в художественных текстах различных жанров, имена мифологических объектов, названия периодических изданий, названия производственных предприятий и др.), обладающие своей спецификой, своими структурными типами, моделями, принципами номинации и характеризующиеся определенной системностью. Можно отметить работы Г. К. Ихсангалиевой [Ихсангалиева, 2000], С. К. Иманбердиевой [Иманбердиева, 2001], М. Е. Какимовой [Какимова, 2004], С. А. Керимбаевой [Керимбаева, 2004], Ж. Б. Кошпановой [Кошпанова, 2004] и др.

Современная казахстанская ономастика характеризуется активизацией рефлексии относительно состояния и перспектив развития ономастических исследований, основным объектом которых и по сей день являются топонимы различных регионов Казахстана.

Начиная с 1991 г. (т.е. за 14 лет), в Казахстане проведено около 40 исследований, что почти вдвое больше, чем за предшествующие 40 лет. Только за последние 5 лет активизированы исследования онимов, долгое

время оставшихся за пределами научного интереса ономастов Казахстана.

Анализ исследований, проведенных в Казахстане, дает основание условно выделить 3 этапа становления казахстанской ономастики:

- первый этап – с 1949 по 1970-е гг. – характеризуется созданием казахстанской ономастической школы, исследованием казахских топонимов и антропонимов, выявлением их этимологии, структурных и лексико-семантических типов, разработкой стратификации топонимической системы, определением роли географических терминов в образовании топонимов;

- второй этап – с 1970 по 1995-е гг. – происходит активизация региональных топонимических исследований, определение проблем теории ономастики, формирование этнолингвистического направления исследований топонимов и антропонимов, расширение объекта исследований за счет космонимов, зоонимов, а также русских топонимов, распространенных на территории Казахстана, выявляются основные мотивы топонимической и антропонимической номинации, определяются тюрко-монгольские топонимические параллели, разрабатываются прикладные аспекты ономастики (совершенствуются основы транскрипции и транслитерации, стандартизации имен собственных, создаются ономастические словари);

- третий этап – с 1995 г. по настоящее время – продолжают региональные исследования топонимов, разрабатываются ономастические словари (топонимов и антропонимов), развивается сопоставительное изучение топонимов и антропонимов, объектом ономастических исследований становятся эргонимы, идеонимы, мифонимы, начинается поиск новых методик и направлений в исследовании имен собственных.

Основными направлениями изучения имен собственных в Казахстане по-прежнему остаются историко-этимологический (этимологизация географических названий, выявление субстратных топонимов), системное лексико-семантическое, мотивологическое и структурно-словообразовательное описание, этнолингвистические подходы (отражение этнокультурных кодов в антропонимике и топонимике), которые являются основополагающими при исследовании природы онимов. Фрагмен-

тарно дается описание онимов с точки зрения лингвокультурологического и функционального подходов.

Отрадно отметить, что казахстанская ономастика в последние годы пополнилась рядом работ, исследующих важные проблемы функционирования имен собственных. Так, в работе А. Б. Смаиловой рассмотрены иноязычные имена собственным, участвующие в различных видах дискурса. Особый интерес вызывают иноязычные онимы, употребляющиеся в текстах газет. Проблема функционирования этих имен собственных активно разрабатывается в зарубежной ономастике, эпизодически она затрагивалась в отечественных работах, посвященных исследованию иноязычной лексики, но не была объектом специального исследования в казахской ономастике на материале казахских текстов. Тогда как проблемы, возникающие при передаче иноязычных онимов, рожают новые, связанные с идентификацией объекта, о котором идет речь, с появлением различных вариантов имен собственных, затрудняющих дифференциацию объектов. Поэтому своевременное исследование этих проблем способствует решению задач нормирования передачи иноязычных онимов с позиций их унификации, стандартизации и кодификации.

Проблемы, которые решаются А. Б. Смаиловой в связи с лингво-концептологическим подходом к имени собственному, можно обозначить как восприятие иноязычного имени собственного членами казахского языкового социума; функционирование этих единиц в коллективном сознании; определение корпуса онимов, активно функционирующих в газетном тексте, репрезентация и изучение проблемы их вариантного употребления; в результате представлен алгоритм адаптации иноязычных онимов, который является определенным вкладом в развитие переводоведческой ономастики [Смаилова 2007].

Не менее значимым является и исследование имен собственных в сопоставительном плане. Так, изучению структуры и семантики неофициальных личных имен казахского, русского и немецкого языков посвящена диссертационная работа Т. М. Абдрахмановой. Неофициальные личные имена, как и некоторые другие периферийные сферы ономастики, относятся к числу наиболее подвижных, мобильных, быстро обновляемых разрядов онимии. При этом возникают не только новые единицы, но и не встречающиеся ранее типы и модели. Они являются наиболее инте-

ресным с точки зрения номинации и более прозрачным семантическим пластом антропонимии. Эти имена обладают частотностью использования в коммуникации. В результате исследования обоснована зависимость неофициальных личных имен от интра- и экстралингвистических факторов [Абдрахманова 2007].

Исследование имен собственных в настоящее время проводятся с точки зрения когнитивной лингвистики (Мадиева Г. Б., Тлеубердиев Б., Рысбергенова К., Иманбердиева С.), психолингвистики (Мадиева Г. Б.), социолингвистики (Джанузаков Т., Мадиева Г. Б., Диарова М.), которые дают возможность проследить тесную связь формирования имен собственных с когнитивным сознанием и менталитетом, культурой и историей, изменениями в социальной структуре общества, сменой идеологических приоритетов и т.д. В исследованиях успешно применяются приемы статистического анализа, методики когнитивного картирования, ассоциативных экспериментов, социолингвистических опросов, анкетирования.

Аналитический обзор и обобщение основных результатов, полученных казахстанскими ономастами позволяет отметить значительные успехи в казахстанской ономастике и, вместе с тем, сделать вывод, что современное состояние ономастики в Казахстане характеризуется отсутствием генеральной координации исследований как по общетеоретическим, так и по частным проблемам ономастики, преобладанием историко-лингвистических, этимологических, структурно-семантических исследований ИС, прежде всего топонимов. В настоящее время исследования ИС в русле таких направлений, как лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика и др. представлены единичными трудами. Тем не менее, работа в этих направлениях ведется и это не может не радовать, поскольку ономастические исследования на современном этапе должны получить новый импульс в связи с антропо- и этноцентрической парадигмой.

На наш взгляд, низкая интенсивность ономастических исследований обусловлена и другими объективными и субъективными причинами: ограниченным числом исследователей, занимающихся анализом имен собственных, кажущейся бесперспективностью ономастических исследований, сложностью сбора ономастического материала, который в основном собирается в полевых условиях, слабой материальной базой (если в

первые годы развития ономастики ономастические экспедиции субсидировались научно-исследовательскими фондами, то в настоящее время инвентаризация онимов выполняется за счет самих исследователей).

Современная казахстанская ономастика располагает богатым фактическим материалом ИС различных разрядов, теоретическим и методологическим арсеналом, основанном на достижениях общей лингвистики и ономастики, которые могут способствовать углублению изучения как корпуса антропонимов и топонимов, так и периферийных разрядов онимов.

Литература

1. **Байтурсынов 1992:** Байтурсынов А. Тил тағыллымы. – Алматы: Ғылым. – 448 с.
2. **Лезина, Суперанская, 1994:** Лезина И.Н., Суперанская А.В. Ономастика. Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий (из двух частей). – М. – 466 с.
3. **Аманжолов 2001:** Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алматы. – 608 с.
4. **Керимбаев, 1995:** Керимбаев Е.А. Казахская ономастика в этнокультурном, номинативном функциональном аспектах. – Алматы. – 248 с.
5. **Аманжолов, 2002:** Аманжолов С. Казак тили теориясынын негиздери. – Алматы, 2002. – 368 с.
6. **Жубанов 1966:** Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. – Алма-Ата. – 362 с.
7. **Белецкий 1972:** Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – Киев: Изд-во Киевского университета. – 210 с.
8. **Ихсангалиева 2000:** Ихсангалиева Г.К. Функционально-прагматический анализ заголовков (на материале казахстанских газет и телепрограмм): Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.20. – Алматы: КазНУ. – 28 с.
9. **Иманбердиева 2001:** Иманбердиева С. Қ. Қаладағы тағамхана атаулары: Филол. ғылым. канд. дисс... автореф.: 10.02.20. – Алматы: ҚазМУ. – 23 с.
10. **Какимова 2004:** Какимова М.Е. Типология эргонимов Северо-Казахстанской области: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.20. – Алматы: КазНУ. – 29 с.
11. **Керимбаева 2004:** Керимбаева С.А. Ономастическая экспликация мифологической модели мира в казахском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.02. – Алматы. – 24 с.

12. Кошпанова 2004: Кошпанова Ж.Б. Номинация в прагматике // Вестник КазНУ. Серия филол. – № 6 (78). – С. 187-189.

13. Смаилова 2007: Смаилова А.Б. Адаптация иноязычных онимов в казахском тексте. – АҚД, Алматы. – 24 с.

14. Абдрахманова 2007: Абдрахманова Т.М. Структура и семантика неофициальных личных имен казахского, русского и немецкого языков. – АҚД, Алматы. – 24 с.

Проф. д-р Гульмира Мадиева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби;
Алматы, Казахстан; gmadi@mail.ru

VI. MEZINÁRODNÍ
SJEZD SLAVISTŮ
V PRAZE 1968

В заседателната зала на 6-я международен славистичен конгрес в Прага (1968 г.)

На лекция по ономастика в
Първа аудитория (8.11.1967 г.)

На “Кале-мегдан” в Белград по време на специализация по ономастика при акад. М. Павлович (1972 г.)

Среща на катедрата по езиковзнание с проф. Константин Попов
(юни 1979 г.)

На екскурзия в гр. Трявна –
проф. Н. Ковачев,
проф. К. Попов,
проф. Ст. Георгиев и
проф. Ст. Стоянов
(27.09.1980 г.)

Катедрата по езикознание към ВТУ в парк Марно поле
(след манифестация на 24 май 1981 г.)

Катедрата по езикознание към ВТУ на екскурзия в гр. Шумен
(юни 1981 г.)

С катедрата по езикознание към ВТУ пред гроба на Шкорпил в Плиска
(юни 1981 г.)

На празничен концерт в Аулата на ВТУ с гл.ас. Й. Маринова и
ст.ас. П. Ковачева (1981 г.)

С катедрата по езикознание пред Ректората (1983 г.)

На изпит по езикознание с гл.ас. Н. Иванова (28.06.1987 г.)